

«РАБОЧИЙ БАТЮШКА». ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО «МИТРОПОЛИТА» АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА БОЯРСКОГО

С. Л. Фирсов

доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского университета

Статья посвящена одному из самых известных лиц русского обновленчества 1920—1930-х гг. — «митрополиту» Александру Боярскому. Яркий священник, имевший большое влияние на рабочую паству, окормляемую им с дореволюционных времен, А. Боярский в 1922 г. связал свою судьбу с церковным расколом, оказавшись в центре событий, инспирированных ГПУ. Несомненно, на это повлияли и социалистические убеждения «рабочего батюшки», его уверенность в принципиальной совместимости религии и социализма. Расплатой за эту веру стала жизнь, трагически завершившаяся в тюрьме социалистического государства «рабочих и крестьян».

Человеческая жизнь, как известно, трудно поддается логическому осмыслению. Еще Вольтер справедливо заметил: «...мало кто из людей воображает, будто имеет подлинное понятие относительно того, что представляет собой человек»¹. Поэтому исследователь, стремящийся разобраться в мотивациях поступков того или иного исторического деятеля (да и вообще, кого бы то ни было), вынужден руководствоваться стереотипами и нормами своего времени, используя выработанные его эпохой методологические правила. Стыдливо прикрываясь заявлениями о следовании законам «объективности» и «историзма», исследователь традиционно оказывается в плену тех взглядов, которые доминируют сегодня. Это — своего рода «выход из тупика», замена знания о человеке (как о конкретной личности, так и о социо-психологическом феномене) представлениями (схемой) о нем. Схема меняется вместе со сменой исторических парадигм, очевидное вчера представляется невероятным сегодня. Исследователь начинает рефлексировать по иному, обращать внимание на то, что еще вчера казалось ему малозначащим и неважным.

¹ Вольтер. Философские сочинения. М., 1988. С. 227.

Когда время настолько спрессовано, что на глазах поколения происходит грандиозный общественный слом (как это случилось в нашей стране за последние годы), исследовательская «рефлексия на прошлое» вызывает у заинтересованного читателя соблазн объявить ее политически конъюнктурной — ведь пересматривается не только прошлое, но и сформировавшаяся за годы память о нем. Память о прошлом, увы, формируется настоящим, которое неизбежно оказывается хуже дней минувших. В экстремальных условиях, быстро обрастая легендами и мифами, эта память оказывается далеко не идеальной, — «баррикадное» сознание победителей, равно как и «сознание обреченных», всегда излишне субъективно и пристрастно в оценках.

В подобных обстоятельствах замена исторических знаков практически неизбежна. Рецепта, как избежать «замены знаков», увы, у меня нет. Единственно, что можно использовать в качестве «противоядия» неистребимому субъективизму, — это понимание феномена времени, т. е. понимание того, как (и почему) складывались стереотипы интересующей тебя эпохи, вне этической ее (эпохи) оценки. Плата за такое «противоядие» — возможное (хотя и не обязательное) обвинение в аморализме. К тому же отказ от этической (нравственной) оценки может увести к новому схематизму и обесмыслить все, предпринятое для победы над ним. Круг таким образом замыкается.

Понимая всю бессмысленность борьбы за «историческую объективность», полагаю возможным заранее оговорить тот путь, который позволит мне избежать крайностей в рассказе о жизни героя настоящей статьи — Александра Ивановича Боярского; я полагаю правильным говорить о том, как складывалась его судьба на фоне революционной эпохи, осознавая огромное влияние времени на человека XX столетия. Революция 1917 г. стала общим знаменателем для биографий десятков миллионов совершенно разных (по рождению, образованию, воспитанию и т. п.) людей. Через призму революции (как некоего самодовлеющего фактора) и следует, как мне кажется, смотреть на историю любого человека, жившего в то время в России, вне зависимости от того, был он «борцом с царским режимом» или же являлся адептом (по призванию, службе, вере) этого режима. Безусловно, это определенное упрощение, однако не согласиться на него — значит допустить еще большие огрехи, ибо человек вне контекста не существует.

Итак, Александр Иванович Боярский. До революции — обыкновенный клирик одного из предместий российской столицы, после революции продолживший свое служение Богу и людям, но с 1922 г. связавший свое имя с обновленчеством. История этого течения тра-

диционно и справедливо изучается в контексте русской церковной истории послереволюционных времен и становления советской государственности, получавшей в начале 1920-х гг. все большую стройность и оформленность (в смысле развития специфического «двигателя» новой политической системы — репрессивной, карательной машины). Говорившие о классовой морали большевики, разумеется, видели в Церкви не столько «пережиток», сколько недобитого врага, нормальное существование которого в Республике Советов так же невозможно, как невозможно и восстановление монархии.

Психологически подобные представления вполне объяснимы. Труднее иное: как могла Церковь в лице некоторых ее иерархов, клириков и активных мирян верить официальным заявлениям богоборцев, указывавшим на то, что они борются не с верующими, а с «церковной контрреволюцией» и надеяться в перспективе наладить нормальную жизнь Церкви в новой России?! Ведь опыт ближайших послереволюционных лет давал Церкви право на пессимизм! Но это все же взгляд с одной только стороны. Не будем забывать, что начало 1920-х гг. было временем новых политических ожиданий, связанных с НЭПом. Вера в перерождение «военного коммунизма» многим противникам «раннего большевизма» помешала трезво оценить церковные перспективы. И, наконец, главное: сама Православная Российская Церковь, вместе с народом пережившая гражданскую войну, не была едина в своем отношении к произошедшим в 1917 г. событиям. Московский ученый А.Г. Кравецкий совершенно справедливо, как мне кажется, отмечает, что «именно противостоящий Поместному Собору церковный большевизм следует считать предтечей того движения, которое мы называем обновленчеством»².

Действительно, можно сказать, что обновленчество — наиболее острая форма политизации православного христианства в России. Чем вызывалась и как проявлялась эта политизация — второй вопрос, требующий изначального понимания специфики церковно-государственных отношений, существовавших в нашей стране на протяжении многих веков. Социальные лозунги большевиков воспринимались некоторыми клириками и мирянами Русской Церкви как лозунги бессознательно религиозные, т. е. по сути своей справедливые. Подобное восприятие не позволяло рассматривать богоборчество новых властителей России как, собственно, богоборчество, воспринимая его сугубо политически. Такую нечувствительность можно объяснить, лишь вспомнив о феномене «психологической подмены» (или

² Кравецкий А. Г. Когда же началась обновленческая смута // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. Материалы. М., 2000. С. 345.

замещения): социальная правда ассоциировалась с правдой религиозной; а поскольку социальная правда в представлении многих была тогда на стороне большевиков, то и воинствующий антиклерикализм их находил историческое объяснение³.

«Психологическая подмена» имела, впрочем, и четкие политические формы — борьбу церковных «революционеров» против священноначалия, грубейшие нарушения ими церковной дисциплины, резкое неприятие Поместного Собора 1917—1918 гг. и его решений. «Поповская реакция» против соборных реформ поначалу объединила даже таких непохожих людей, как «государственник» В. Д. Красницкий и «декадент» А. И. Введенский. 1922 год открыл первую страницу в сомнительной истории «советского обновленчества», историю которого, очевидно, следует начинать с открытого непослушания высшей церковной власти, а затем и борьбы против нее, не преувеличивая заслуги (по большей части мифические) «церковных революционеров» в деле так и не состоявшихся церковных реформ⁴.

Среди обновленцев «первого ряда» Александр Иванович Боярский выгодно выделялся отсутствием политических амбиций и любовью к хлесткой фразе. Это был прежде всего пастырь, хотя, без сомнения, придерживавшийся «левых» убеждений. Как и почему он стал обновленцем, что заставило его принять активное участие в крупнейшей церковной смуте 1920-х годов?

... Длительное время сведения о Боярском были отрывочны и неточны. В каталоге «Русских архиереев обновленцев» митрополита Мануила (Лемешевского) ему посвящена только одна машинописная страница. Из предложенной информации мы узнаем, что настоящая фамилия «митрополита Ивановского, vicария Московской епархии» — Сегенюк, при рукоположении во священника (в 1912 г.) «для благозвучия» замененная на Боярского, что он был сыном псаломщика, закончившим семинарию и (со степенью кандидата богословия) Санкт-Петербургскую духовную академию. Кратко представлен его

³ Определенным доказательством сказанному может служить книга профессора *Б. В. Титлинова* «Церковь во время революции» (Пг., 1924), в которой автор заявлял, что «на пороге XX века Церковь была учреждением уже вполне безличным, потерявшим свою нравственную физиономию и как зеркало отражавшим все нестроения и зигзаги правительственного политического курса» (С. 7). Следовательно, революция, очистившая «политическую атмосферу», была благодетельна и для Церкви.

⁴ «Обновленческие декларации с требованием радикальных реформ заставили сторонников Патриаршей Церкви отзываться о таких реформах резко отрицательно, — полагает А. Г. Кравецкий. — В результате историческая память сохранила устойчивое противопоставление обновленцев-реформаторов и тихоновцев-консерваторов. Хотя на самом деле водораздел проходит не по отношению к той или иной реформе, а по послушанию или непослушанию церковной власти» (*Кравецкий А. Г.* Указ. соч. С. 347).

«послужной список» — начинал иерейскую службу на пограничной станции Вержболово, в 1914 г. эвакуировался в Петроград, священствовал в пригороде столицы, в Колпино, с 1918 г. стал настоятелем, а через три года был возведен в сан протоиерея. Уклонившись в обновленчество, в 1922 г. получил назначение в Успенскую церковь Петрограда, являлся членом Петроградского епархиального управления и членом Священного Синода. С 1924 по 1930 гг. профессорствовал в Ленинградском богословском институте, а в 1933 г., женатым, был хиротонисан во епископа Ивановского и Кинешемского; в том же году его возвели в сан митрополита. Умер один из «активнейших работников в обновленчестве в Ленинграде» в конце 1930-х годов в Вологде «развенчанным» митрополитом⁵.

Из представленных сведений трудно понять, почему Боярский назван «активнейшим работником» обновленчества, по какой причине он принял архиерейство так поздно (только в 1933 г.) и что значит «умер развенчанным»? Для ответа хотя бы на некоторые из поставленных вопросов (а также для исправления имеющихся в справке ошибок и неточностей) стоит рассмотреть биографию этого человека более подробно. Сегодня такая возможность у нас имеется.

Александр Иванович Боярский родился 17 мая 1885 г. в селе Копытово Владовского уезда Холмской губернии, действительно, в семье псаломщика⁶ (хотя в учетной карточке, составленной в 1921 г. для Петроградской ГубЧК, Боярский назвался «священником-крестьянином»)⁷. В 1906 г. завершил обучение в Волынской семинарии, а в 1911 г. — в столичной Духовной академии. Несколько лет служил в западных губерниях, затем, с началом Первой мировой войны, — состоял полковым священником, вскоре (в 1915 г.) будучи переведен смотрителем Виленского духовного училища, через несколько месяцев вновь оказавшись на новом месте (изначально — священником в столичной церкви святой Марии Магдалины при Училище лекарских помощниц и фельдшерниц, а затем — в Колпинской церкви Святой Троицы)⁸.

⁵ См.: Каталог «Русских архиереев обновленцев». Материал для «Словаря русских архиереев обновленцев» (1922 — 1943 гг.) / Сост. А[рхиепископ] М[ануил]. (Машинопись). Чебоксары, 1957. Ч. I. С. 11.

⁶ Мещанинов М. Ю. Храмы и часовни города Колпино. СПб., 1998. С. 127. Впрочем, в заключении, утвержденном по материалам архивного уголовного дела А. И. Боярского (№ 18445) первым заместителем прокурора С.-Петербурга В.Д. Большаковым, говорится, что «митрополит» был уроженцем Краснохолмского уезда Тверской губернии (См.: Следственное дело по обвинению Боярского Александра Ивановича // Архив ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. П-82322. Л. 112).

⁷ Следственное дело... Л. 1.

⁸ Мещанинов М. Ю. Указ. соч. С. 127.

По словам историка обновленчества А.Э. Левитина-Краснова, Боярский еще будучи студентом проявлял горячий интерес к рабочему вопросу, посещая Спасо-Петровскую мануфактуру. «Народник, человек практической сметки, хорошо знающий жизнь, умевший и любивший просто и понятно говорить о самых сложных вещах, Боярский пользовался огромным уважением в рабочей среде»⁹. Вспоминая в 1918 г. свои первые встречи с рабочими, Боярский отмечал, что вечера, проведенные в пролетарских лачугах, дали ему многократно больше, чем академия. «Эти вечера научили любить народ, понимать его душу, его настроения, молиться с ним; они показали, что подлинных христиан нужно искать <...> среди согбенных под тяжестью труда, прежде времени состарившихся людей, которых нам изображали как каких-то “отпетых”»¹⁰. Это, собственно, и был его «символ социальной веры», который он старался соединить с христианством, укрепляя церковные связи с «униженными и оскорбленными».

Популярность священника в рабочей среде начала XX столетия — сам по себе факт удивительный. Современники Боярского это понимали. Не случайно, что в книге об Обуховском заводе, изданной в 1930-е годы в горьковском издании «Истории фабрик и заводов», специально отмечалось большое влияние на рабочих «местного попа». Вспоминая влияние Боярского на пролетарскую среду, его молодой современник подчеркивал, что «он замечал каждую мелочь, видел людей насквозь, знал, как и кому помочь. К нему шли все бедняки, пропойцы, люмпены. Поговорит, поругает, а потом придумает практический выход, устроит и поможет. Удивительная черта была в Боярском: естественно и просто говорить обо всем»¹¹.

Простота и доступность колпинского священника сочеталась со знанием как человеческого характера, так и актуальных в то время социальных и политических вопросов. Он хотел помогать людям, — это было нормой его жизни; хотел просвещать богоискательно настроенное юношество. В 1920-е годы в Колпино был даже организован «Кружок церковных реформаторов», состоявший из молодежи. При этом, Боярский не любил аффектации и пафосности, предпочитал тон «бытового разговора», покоря слушателей силой, а не манерой своего убеждения¹². О нем возможно сказать словами А. И. Солжени-

⁹ Левитин-Краснов А., Шауров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 24. Авторы допускают ошибку, утверждая, что Боярский уже по окончании Академии остался в Колпино.

¹⁰ Боярский А., свящ. Среди рабочих // Вестник труда. 1918. № 1. С. 8.

¹¹ Краснов-Левитин А. Лихие годы. 1925 — 1941. Воспоминания. Paris, 1977. С. 128—129.

¹² Там же. С. 129, 132. Наименование А. Э. Левитиным-Красновым группы «Друзей церковной реформации» «кружком церковных реформаторов» не правильно.

цына — «рабочий батюшка» стремился «жить не по лжи». Всегда ли ему это удавалось — отдельный вопрос (как известно, советская власть в 1920—1930-е гг. предпочитала не христианскую, пусть даже приправленную социальными лозунгами и коммунистической фразеологией, а «классовую мораль», заявляя устами своих пропагандистов, что этика пролетариата «должна дать правила поведения, полезные с точки зрения революционно-пролетарской целесообразности», что «интересы революционного класса важнее блага отца», и называя Библию «эксплуаторской»¹³).

В любом случае «рабочий батюшка» был человеком цельным, имевшим убеждения и старавшимся эти убеждения реализовать в практической жизни. Считается, что еще до 1917 г. Боярский примыкал «к крайним радикалам», будучи сторонником ориентации Церкви на рабочий класс и приверженцем церковных реформ. Молодой священник регулярно проводил тематические беседы с рабочими (преимущественно на социальные темы). Тогда же, в предреволюционное время, он познакомился со своим тезкой — священником Александром Введенским, между ними завязалась «идейная и личная дружба»¹⁴.

Несмотря на всю разницу темпераментов и даже внешнюю противоположность, эти люди оказались единомышленниками и соратниками прежде всего потому, что одинаково видели будущее Церкви, рисовавшееся им в кавуровском духе. Причины кризиса Церкви они усматривали в ее зависимости от самодержавного государства, в излишнем «обрядоверии» народа, не просвещенного «социальной правдой» христианства. Как показало будущее, «социализация» Церкви была для таких обновленцев, как Боярский и Введенский, если и не самоцелью, то, по крайней мере, одной из главных задач их «реформаторства».

Обращение к рабочему вопросу для русского православия начала XX столетия было исключительно важно (Католическая Церковь поняла это много раньше — еще в 1891 г. Папа Римский Лев XIII опубликовал энциклику «*Regum novarum*», затрагивавшую вопросы социальной политики и при этом резко критиковавшую социализм). И хотя Русская Церковь прекрасно осознавала связь социальных вопросов и социализма¹⁵, никакой «доктрины», будучи связана с государст-

¹³ См., напр.: *Залкинд А.* Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата // *Родник.* 1989. № 9. С. 63, 64.

¹⁴ *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Указ. соч. С. 24.

¹⁵ См.: *Фирсов С. Л.* Религиозная критика социализма в Православной Российской Церкви начала XX века (К постановке проблемы) // *Клио.* 1998. № 2 (5). С. 163—169.

вом «симфоническими путями», принять она не могла. В условиях роста популярности «левых» идей, православные клирики, понимавшие насущность «рабочего вопроса», оказывались «социально востребованными» не столько Церковью, сколько «миром». Пример священника Боярского это замечательно иллюстрирует; его инициативы и начинания скорее напоминали действия лидера рабочего профсоюза (и более им соответствовали). Не случайно, в 1917 г., до Октябрьского переворота, он состоял гласным (по выборам) Колпинской демократической городской думы, организовывая массы «на началах внепартийного демократизма». Активная общественная деятельность Боярского была продолжением его деятельности в колпинском приходе Троицкой церкви, где за короткое время его усилиями была налажена не только «неформальная» религиозная жизнь (ночные моления, всеобщее причащение, лекции на церковно-общественные темы), но и деятельная социальная работа (в приходе появилась бесплатная столовая, была организована благотворительная деятельность, приходский кооператив, огород и пасека и т. д.)¹⁶.

После победы Февральской революции Боярский, вместе со своим другом А.И. Введенским, стал одним из лидеров (товарищем председателя) организованного 7 марта 1917 г. «Всероссийского союза демократического православного духовенства и мирян».

Был ли он в то время политически наивным человеком, верившим в «светлое будущее»?

На этот вопрос прямого ответа не дать. Революция, как правило, быстро очаровывает, но так же быстро и разочаровывает. Вскоре после прихода к власти большевиков, весной 1918 г., Боярский столкнулся с новой властью «лоб в лоб» — 9 апреля Колпинский райсовет постановил занять причтовый дом, в котором жил тогда настоятель храма Святой Троицы. Боярский заявил, что вопрос может решаться только народным собранием — ведь дом не его собственность. В итоге собрание опротестовало попытку захвата, а Боярский получил возможность обсудить создавшееся положение с хозяином Петрограда Г. Е. Зиновьевым, пообещавшим уладить это дело. Впрочем, через месяц Боярский вновь оказался «противником» власти — 9 мая в Колпино был голодный бунт рабочих, закончившийся «кровопусканием». Существует предположение, что одной из причин, вызвавших бунт, и была деятельность колпинского настоятеля. Его дом обыскали, но, к счастью, «виновника» произошедшего там не оказалось¹⁷.

Итак, столкновения с местными властями имели место. Но изменило ли это отношение Боярского к самой идее «народного правле-

¹⁶ Колпинец. Колпинское «действие» // Вестник труда. 1918. № 2. С. 7.

¹⁷ См. подр.: *Мещанинов М. Ю.* Указ. соч. С. 138 — 142.

ния»? Совершенно очевидно, что не изменило. Он продолжал оставаться верным демократическим принципам, в 1918 г. даже выпустив брошюру «Церковь и демократия». Брошюра была издана кооперативным товариществом духовных писателей «Соборный разум», что необходимо признать вполне объяснимым, — ее автор состоял членом редакционного комитета «духовно-публицистического и общественно-литературного» журнала «Соборный разум» (вместе с Е. Х. Белковым (председателем), профессором В. А. Беляевым, Ф. Н. Белявским, священником А. И. Введенским, протоиереями И. Ф. Егоровым и М. С. Поповым, а также В. П. Соколовым)¹⁸.

Чтобы понять «демократические принципы» священника Боярского, думается, полезно рассмотреть основные тезисы его работы, состоящей из четырех небольших главок. Методология автора достаточно проста: все беды Православной Церкви в России он видит в ее, Церкви, порабощении и упадке при старом строе. Естественно, что следствие такого порабощения — недоверие народа, единение духовенства с которым — «необходимый залог крепости и целостности завоеваний революции». Только рассказав об этом, Боярский счел необходимым проанализировать «при свете христианского церковного сознания» современные ему политико-экономические вопросы. Как видим, постановка вопросов достаточно «обновленческая». Однако из этого не следует, что логика Боярского была изначально «порочна». Его констатации в то время еще не предполагали практических выводов политического свойства, хотя поставленный им диагноз как раз и исходил из «политики».

«Самодержавие оторвало нас от народа, обратив нас в своих слуг и хранителей, — писал Боярский, — а в революцию мы не слились с народом, а стали в стороне выжидать — чья возьмет. Народ остался без пастырей и почувствовал, что может обойтись и без нас, заменив нас своими народными проповедниками и учителями»¹⁹. Отмечая опасные тенденции в церковной жизни, Боярский выступал противником «церковного нейтралитета», убеждая православных в необходимости выступить на стороне трудового народа, «не потому, что на его стороне в данный момент сила, а потому, что на его стороне правда»²⁰.

Он искренне полагал, что русское духовенство не сожалеет о гибели царского режима, так как осознает: останься этот режим еще на

¹⁸ См. оборот с. 32 в кн.: *Боярский А. И., свящ.* Церковь и демократия (Спутник христианина-демократа). Пг., [1918]. А. И. Боярский был редактором церковно-общественного отдела журнала «Соборный разум».

¹⁹ *Боярский А. И., свящ.* Указ. соч. С. 11–12.

²⁰ Там же. С. 13.

10–12 лет, Церковь умерла бы под гнетом распутищины, так как лучшие живые силы от нее уходили²¹. Характеризуя Церковь как «ведомство православного исповедания», Боярский пытался выстроить модель «социально ориентированной» Церкви, по существу противопоставляя ее прежней «симфонической» модели. Полагаю бессмысленным доказывать, что в условиях революции и гражданской войны такого рода противопоставления не могли восприниматься так, как хотелось бы автору: творимые большевиками насилия над православными клириками объективно не позволяли им встать «над схваткой» и признать глубинную правдивость идей новой власти.

Понимал ли это священник Боярский, осуждавший греховность капитализма как жизнь за счет других, противоречащую Господней заповеди о труде? Полагаю, что не понимать не мог (он и сам, как говорилось выше, испытал «разгромные тенденции» колпинских властей). В чем же тогда дело? Возможно предположить, что своей брошюрой Боярский пытался показать советским властям, что с Церковью (по крайней мере, с ее «здоровой», в его понимании, частью) можно и нужно считаться. Показательно, что громко приветствуя отделение Церкви от государства, он здесь же заявлял о вреде этого самого отделения для государства, «которое, лишившись «соли» христианства, загниет, разложится и погибнет. Церковь же, — продолжал далее Боярский, — лишившись государственной опеки, — а тем более, если государство попытается преследовать и унижать ее, — только окрепнет во внутренних своих основах. *Вместо «златого» венца с фальшивыми камнями, Церковь наденет венец Христов, венец терновый, и даст новый сонм мучеников, исповедников, героев и светильников веры*» (выделено мной. — С. Ф.)²².

Это заявление украсило бы не только «христианина-демократа», но и здравого монархиста, ностальгирующего об ушедшем времени, настолько оно трезво и логично. История подтвердила правоту слов Боярского, при том что его личная, «обновленческая», судьба после 1922 г. явилась примером «от противного» (ведь обновленцев *в первый «медовый» период их отношений с советскими властями*, в отличие от «тихоновцев», не преследовали; таким образом «во внутренних своих основах» укреплялись как раз церковные оппоненты сподвижников Боярского). Разумеется, не стоит забывать, что 1918 г. — это не 1922-й, равно как и то, что теоретические «прозрения» далеко не всегда реализуются на практике теми, кто их сделал. И все же, Боярский постреволуционной эпохи, со всеми своими симпатиями к социа-

²¹ Там же. С. 15–16.

²² Там же. С. 31.

лизму и рабочему классу, был еще человеком, не имевшим собственного тюремного опыта и очевидно надеявшимся на свою популярность в пролетарских кругах. К тому же, получив воспитание в стране, где светская жизнь была подчинена (по крайней мере формально) церковным правилам, он психологически не мог представить иной ситуации. Полагая, что это подчинение было извращено режимом, Боярский надеялся на его восстановление в новых, преображенных революцией условиях. Думается, что приняв этот тезис, и возможно объяснить цитированное выше заявление «свободного сына Православной Церкви» (как сам Боярский себя аттестовал, не забывая упомянуть о начавшемся с революцией возрождении Церкви к свободе)²³.

В то время Боярский, равно как и его единомышленники — будущие обновленцы, ни о каком церковном расколе и не помышляли. За исключением специфически понимавшегося социального вопроса, во всем остальном они оставались «традиционалистами», не переносившими революционную риторику в православные издания. Примером сказанному может служить издававшийся недолгое время (в 1918 г.) «ежемесячный духовно-литературный иллюстративный журнал для храма, семьи и школы» — «Божия Нива». В редакционном комитете журнала, во главе которого стоял Е.Х. Белков, состояли и Боярский, и Введенский. Именно этот комитет весной 1918 г. выпустил первый (сдвоенный) номер «Божией Нивы», отдав практически весь журнал для публикации материалов, посвященных «светильнику Церкви Православной» и «всенародно чтимому пастырю и праведнику» о. Иоанну Кронштадтскому, чье имя подвергалось глумлению «рабоче-крестьянской» властью буквально с первых недель революции²⁴. Публикаторов не остановила «черносотенная» и «монархическая» слава о. Иоанна, они прекрасно отдавали себе отчет в том, что было главным в его деятельности, а также на что в духовном журнале можно не обращать внимания.

Сказанное заставляет вспомнить и о том, были ли «предтечи» обновленчества в то время, на заре Советской власти, противниками Поместного Собора, как-либо проявляя свой «церковный большевизм»? Полагаю, что в то время недовольство некоторыми решениями Собора только накапливалось, — говорить о противодействии «христиан-демократов» священноначалию в 1918 г. было бы преждевременно. Однако далеко не всеми соборными решениями они удовлетворялись, порой их критика оказывалась вполне конструктивной

²³ Там же. С. 32.

²⁴ См.: Божия Нива. 1918. № 1 — 2.

и здоровой. А. И. Боярский, к примеру, весной 1918 г. основательно полемизировал с соборянами по поводу отмены ими выборного начала при замещении священно- и церковнослужительских вакансий²⁵.

В апрельском номере «Соборного разума» — журнала «христианского жизнестроительства в Соборе» Боярский с горечью констатировал умирание выборного начала. Понимая, что нормальному течению церковной жизни мешает революционная смута, он не забывал и о народившемся после 1917 г. особом типе оборотливых иереев и диаконов, разъезжавших по стране в поисках «подходящего» места и вступавших в торг за него с прихожанами. Правда, главным поводом, заставившим Собор отменить выборное начало, стало осознание бедственного положения демобилизованных военных священников, трудоустроиться которым было крайне сложно. В итоге, Собор отменил выборное начало, предоставив право избрания клириков епископу, который, впрочем, мог принимать во внимание и кандидатов прихода. По мнению Боярского, Собору стоило пойти по иному пути, восстановив древний канонический порядок избрания, когда клирику для того, чтобы занять пресвитерское место требовалось не только одобрение (выборы) прихожан, но и одобрение местных пресвитеров. Если бы это осуществилось, полагал автор, возможность попадания на выгодный приход недостойного иерея была бы устранена. «Вместо этого, — резюмировал Боярский, — церковный Собор, сославшись на необходимость пристроить военно-морское духовенство, предпочел разрубить Гордиев узел, отменив выборное начало в Церкви, выражающее соборность, т. е. самую природу ее». По его мнению, это приведет и к отмене выборного начала епископата, которое будет заменено «единоличным голосом Святейшего Патриарха, или “избраением” Священного Синода». Автор не ошибся: его предположение оправдалось еще до выхода статьи из печати²⁶.

Такое понимание соборности невозможно назвать ошибочным или «неправославным», — горячий сторонник народовластия, Боярский полагал, что и в Церкви оно должно найти свое осуществление — соборность и понималась им как церковная форма христианской демократии. Разумеется, другой вопрос — насколько была осуществима христианская демократия в государстве строящейся диктатуры пролетариата, которая, по словам Ленина, «опирается не на за-

²⁵ Этот вопрос, кстати сказать, до сих пор является одним из наиболее важных в церковной жизни (хотя он так и не получил своего разрешения). Считается, что выборное начало отменил не Поместный Собор 1917–1918 гг., а — de facto — Советская власть, сделавшая невозможным нормальное церковное бытие.

²⁶ См.: *Боярский А. И., свящ.* Отмена выборного начала // *Соборный разум*. 1918. № 3–5 (29 апреля /12 мая). С. 12.

кон, не на формальную волю большинства, а прямо, непосредственно на насилие», так как «насилие — орудие силы»²⁷. Если отсутствовала «формальная воля большинства», то стоило ли воспринимать большевиков как «неформальных» знатоков народных нужд? Вопрос, полагаю, риторический.

...Достаточно скоро это сумел понять и священник Боярский. Понимание пришло в 1921 г., когда он в первый раз оказался в тюрьме, обвиненный в контрреволюционной агитации. В том году, в июле, по инициативе Детскосельского политического бюро Боярского арестовали. Как это многократно бывало в дальнейшем, непосредственной причиной ареста Боярского оказался донос осведомителя, в октябре 1920 г. отправившего чекистам информационную справку о поведении «демократического» священника, приезжавшего на Рыбинскую стройку (находившуюся в 60 верстах от Старой Ладogi) и якобы убеждавшего своих слушателей (рабочих и крестьян окрестных деревень), что коммунисты с ним ничего не могут сделать, что их, коммунистов, не стоит ругать, «так как они очень грешны», но нужно молиться Богу, «что скоро Бог от них избавит землю»²⁸.

Что здесь правда, а что — ложь, разобраться невозможно, однако это был сигнал, никак не отреагировать на который новая власть, все более укреплявшая свои позиции в стране, не могла. Репрессивная машина в то время уже набирала обороты, и Боярский был взят «в разработку». Чекисты начали собирать информацию не только на него, но и на его близких, в марте 1921 г. установив (посредством доноса), что священник, совместно с братом — командиром 8-й батареи воздушной бригады Иваном Сегенюком, участвовал в контрреволюционных выступлениях и агитировал против Советской власти среди крестьян Детскосельского уезда²⁹. Что такое контрреволюция не объяснялось, но, думается, этого и не требовалось: под «контрреволюцию» попадали любые антибольшевистские заявления. На фоне Кронштадтского мятежа такие заявления становились все более опасными, чего Боярский, очевидно, до конца не понимал. В марте 1921 г. он получил письмо от своей знакомой (некоей О.А. Ярославцевой), очевидно не догадавшись, что его перлюстрировали. Письмо,

²⁷ Ленин В. И. Доклад о текущем моменте 7 мая (24 апреля) // Сочинения. Т. XX. М., 1935. С. 248. Показательно, что это заявление было сделано Лениным в 1917 г., после победы Февральской революции, почти за полгода до Октябрьского переворота. Определяя природу будущего государства, он сравнивал его с Парижской Коммуной. В 1918 г. стало окончательно ясно, что большевики действительно строили государство насилием, где демократические принципы воспринимались как «буржуазные пережитки».

²⁸ Следственное дело... Л. 6.

²⁹ Там же. Л. 8.

в котором выражалась надежда, «что теперь покончат с ком[мунистами]», и давался совет быть осторожным, так как «у нас аресты бесконечные»³⁰.

Совет, как показало скорое будущее, был не напрасным, но практических выводов Боярский тогда так и не сделал. 17 апреля 1921 г. он совершил очередную политическую ошибку, выступив на 2-й беспартийной конференции Ижорской волости Колпинского района. Во время дискуссии по религиозному вопросу, являясь содокладчиком, Боярский в присутствии 470 человек заявил, что он и священник А.И. Введенский во время наступления генерала Юденича на Петроград приглашались в юридический отдел Петроградского губернского совета, от них требовали выпустить от имени духовенства воззвание против белых, с целью поднять боевой дух бойцов Красной Армии. Уже 25 апреля Колпинский райком РКП(б) отправил в отдел управления Петросовета официальную бумагу, в которой заявление Боярского просили проверить и в случае его лживости — привлечь священника к ответственности³¹. Дело стало приобретать вполне конкретные очертания: становилось ясно, что власти решили «слово» Боярского использовать в «деле» против него. 16 мая 1921 г. церковное отделение отдела юстиции Петросовета составило справку, в которой указывалось, что ни Боярский, ни Введенский не вызывались с требованием о выпуске воззвания против Юденича для поднятия духа бойцов Красной Армии³². Получалось, что Боярский лгал, следовательно, у власти появлялся повод предъявить ему политические обвинения.

Слухи о ведении против него следственного дела дошли в мае и до Боярского, который попытался было оправдаться, составив заявление в Детскосельский уездный политотдел. Но заявление сыграло с ним жестокую шутку, лишь дополнив список обвинений. Боярский писал, что на конференции в апреле 1921 г. приветствовал декрет об отделении Церкви от государства, подчеркнув, что в отличие от старого строя, когда Церковь благословляла войну, теперь она никаких войн благословлять не намерена, равно как благословлять или осуждать любую власть.

Развивая свою мысль, Боярский послал упрек партии, которая в затруднительные моменты «сама не прочь искать поддержки у того же духовенства и Церкви». В качестве примера он вновь вспомнил о комиссии, работавшей в 1919 г., в которую его с Введенским вызывали для написания воззвания против Юденича. В воззвании, вспоминал он, «нужно было заявить полную солидарность с властью в ее борьбе,

³⁰ Там же. Л. 13.

³¹ Там же. Л. 14.

³² Там же. Л. 18.

сочувствие ей и готовность поддержать народ в его борьбе с внешними врагами республики». Собравшиеся клирики (а среди них были преимущественно «демократически» настроенные пастыри — Введенский, Красницкий, Егоров и др.) от предложения отказались, по словам Боярского, «не желая изменять принципу отделения Церкви от государства»³³.

Из его слов, таким образом, выходило, будто Советская власть изменяла собственным принципам, требуя поддержки от силы, с которой активно боролась. Согласиться с такой постановкой вопроса для большевиков было невозможно, — в ином случае получалось, будто они живут по двойным политическим стандартам. Как естественное следствие этого и нужно, думается, рассматривать арест Боярского. Так, летом 1921 г. начались его большевистские «университеты».

В первый раз его допросили 30 мая, хотя тогда он и не был арестован. В графе «политические убеждения» Боярский записал: «христианский социалист»³⁴, явно давая понять, что он режиму не враг. Но решать кто кому враг наивному колпинскому батюшке, увы, не надлежало. Дело было начато весьма серьезно и основательно. Допрашивались друзья Боярского. Так, 19 мая и 9 августа 1921 г. к следователю вызывался А.И. Введенский³⁵. На вопрос о воззвании, которое власти хотели в 1919 г. получить у клириков, Введенский, по понятным причинам, ответил уклончиво: дескать ему лично представителями власти официальной резолюции с требованием написать воззвание не предъявлялось, хотя «в кулуарах» «разговор о возможности протеста со стороны дух[овенст]ва против наступления Юденича и вообще белогвардейцев был»³⁶. Юридически корректный ответ Введенского, тем не менее, позволяет предположить, что представители петроградских властей вели с «демократическим» (это важно отметить!) духовенством переговоры, надеясь на их церковный авторитет в своем идеологическом и военном споре с Юденичем.

В то время (а упомянутый допрос проходил в августе) дело Боярского оказалось уже в поле зрения высших должностных лиц Советской России. Об аресте известного в рабочих кругах священника со-

³³ Там же. Л. 21—22 об.

³⁴ Там же. Л. 23.

³⁵ В графе «политические убеждения» Введенский заявил себя в качестве сочувствующего идее коммунизма, пояснив, что до войны 1914 г. проживал в городе Витебске, до Февральской революции — священствовал в разных полковых частях, с Октября 1917 г. является приходским священником. Правда, ответ на вопрос «чем занимался и где служил» он начал не с названных выше данных, а с указания на свою учительскую должность («преподаватель гимназии Черновой») (Следственное дело... Л. 20).

³⁶ Там же. Л. 78 об.

общил Ленину М. Горький. 27 июля 1921 г. председатель Совнаркома отправил заместителю Дзержинского по ВЧК И.С. Уншлихту записку, в которой просил срочно сообщить причины ареста нескольких человек, в числе которых был и Боярский. Ленина интересовало также, возможно ли было их освобождение³⁷. Не ранее 29 июля он получил от Уншлихта ответ: «Что касается священника Боярского, то он арестован был в Колпине за контрреволюционную агитацию, которой он занимался в продолжение последних лет. Кроме того, установлено, что в 15–16 годах он имел близкое отношение к охранке. Освобожден быть не может». На справке Уншлихта Ленин оставил лаконичное «в архив»³⁸ — и дело Боярского было продолжено.

Правда, Горький, очевидно, не знавший о записке Уншлихта, не оставлял надежды на благополучный исход и вновь напомнил вождю о «рабочем батюшке». «Я говорил Вам, — писал он Ленину 29 (или 30) июля 1921 г., — об аресте священника Боярского и о том, что за него ручаются 647 человек колпинских рабочих. Вы обещали мне дать по этому поводу ответ, но я его не получил. Сегодня количество подписей под прошением об освобождении Боярского достигло 1400 и обещает еще возрасти. Ежедневно ко мне являются группы рабочих разных заводов с ходатайствами за Боярского. Все они утверждают, что Боярский “политикой не интересуется”, но имеет огромное моральное влияние и “десятком слов может заставить работать. Примерно: лесная заготовка (прошлого года) организована вся им и огородное дело тоже. Он умеет говорить с нами и любит нас”». Среди подписавших прошение об освобождении Боярского, — продолжал далее Горький, — немало коммунистов. Я очень прошу Вас обратить внимание на это дело, а то, пожалуй, мы получим еще один Кронштадт»³⁹.

Внимание на Боярского Ленин, как известно на сегодняшний день, более не обращал. Что было причиной тому — уже указывалось. О контрреволюционной агитации, которой якобы занимался Боярский дополнительно говорить не стоит. Другое дело — обвинение в контактах с охранкой. Были ли они? В архивном деле, заведенном на Боярского, никаких материалов на этот счет не имеется. Следователь не задавал священнику вопросов о его связях с русской тайной полицией. Почему? Пытаясь найти ответ, позволю себе одно предположение. Во время войны охранка вполне разумно следила за настроением рабочих столицы и ближайших к ней пригородов. Влиятельный

³⁷ Ленинский сборник. Т. XXVII. М., 1970. С. 311.

³⁸ В. И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1987. С. 452.

³⁹ Письма М. Горького к В. И. Ленину // Неизвестный Горький (К 125-летию со дня рождения). Вып. 3. М., 1994. С. 38.

среди рабочих священник мог привлечь внимание охранки и время от времени вызываться «на беседу». Эти беседы и могли классифицироваться как «близкое отношение к охранке», в ином случае Боярского обвинили бы в контактах (или даже добровольных контактах) с тайной полицией, что характеризовало бы Боярского как провокатора. Но таких обвинений никто и никогда против него не выдвигал (в НКВД не вспомнили о «близости» к охранке и когда вторично арестовали его — в 1936 г.). Рабочие всегда считали колпинского священника «своим» и не допускали даже тени сомнения в его честности.

На допросе 3 августа 1921 г. Боярский заявил, что свое апрельское выступление провокационным не считает, а «указанный пример [по поводу воззвания. — С. Ф.] привел как действительно бывший». «Если приведение этого примера произвело большое возбуждение в массе, то с моей стороны это было несознательно», — подчеркнул он⁴⁰. Следствие считало по-другому. В «Заключении по делу № 3151 по обвинению гр[ажданина] Боярского Александра Ивановича в антисоветской агитации», препровожденным Детскосельским политическим бюро от 3 августа, говорилось о провокаторстве подозреваемого как о доказанном факте, беззастенчиво указывалось, что последний сознался в своей провокационной деятельности. Предлагалось, «принимая во внимание возрастающую к[онтр]р[еволюционную] агитацию со стороны духовенства», признать Боярского опасным для советской власти и, выселив за пределы Петроградской губернии, направить его «как гнусного провокатора» в концлагерь⁴¹. 24 августа, специальной распиской, Боярский указал, что обвинения в антисоветской агитации ему предъявлены, но виновным себя не признал, «так как не имел цели антиправительственной агитации и никогда таковой не занимался, будучи сам по убеждению социалистом»⁴².

Убеждения не спасли от наказания: 3 сентября 1921 г. президиум Петроградской ГубЧК постановил считать обвинения доказанными и приговорил Боярского к году принудительных работ, выслав из пределов Петроградской губернии⁴³. Не помогло и обращение к уполномоченному Петроградской Губ ЧК Риксу, занимавшемуся делом Боярского. А между тем, это обращение (от 14 августа 1921 г.) представляет собой уникальный образец демократически-христианской биографии, своего рода «покаянную песнь» и, одновременно, — предложение своих услуг в деле строительства нового, «справедливого» об-

⁴⁰ Следственное дело... Л. 46 об.

⁴¹ Там же. Л. 102 об.

⁴² Там же. Л. 96.

⁴³ Там же. Л. 104.

щества. Если угодно, обращение Боярского можно рассматривать как приглашение власти подумать о судьбе «левых» священников. Именно по этой причине полагаю правильным привести его полностью.

Уполномоченному Петгубчека т. Риксу и в Президиум арестованного протоиерея Александра Боярского (2-я общая камера)

Заявление

Усердно прошу Вас, а через Вас Президиум дать мне возможность приложить свою энергию, даром пропадающую в заключении, к святому делу помощи голодающим [в Поволжье. — С. Ф.]. Пользуясь довольно широкой популярностью среди православного населения Петрограда и провинции, я могу оказать существенную помощь 1) в сборе продналога, 2) в привлечении пожертвований хлебом и овощами, 3) в жертвованиях церквами золотых и серебряных вещей в фонд помощи голодающим, 4) в сборе денежных пожертвований. Дело помощи голодающим — первый не только гражданский, но и христианский долг. Надо это внушить духовенству. Если нужны еще какие-нибудь гарантии и подписи, охотно дам их, чтобы иметь возможность в такую трудную минуту народной жизни работать на пользу народа, а не сидеть сложа руки.

Даю слово, что впредь никогда не дам Вам повода заниматься моей личностью в судебном порядке. Неудачные выражения в пылу полемики прошу на сей раз простить мне — на полемику я иду по приглашению и из уважения к народу, болезненно ищущему правды и в религиозной области. Прошу принять во внимание, что я много страдал за народ от старой власти гражданской и церковной, начиная с 1901 г., когда был исключен из семинарии и отдан под надзор полиции за «толстовство» и вольнодумство. Я почти единственный священник-социалист. Я принимал очень многое из программы коммунистов, кроме разрешения религиозного вопроса и иду тем же идеалом общего братства только с другой стороны — путем, завещанным Христом, в которого верую. В этом направлении как преподаватель Богословского института влияю на будущих священников, вырабатывал из них самоотверженных пастырей, а не попов.

Прошу Вас, уважаемый т. Уполномоченный, со свойственным Вам умением понимать людей, и членов Президиума — лично ближе познакомиться с моими взглядами и убеждениями, не смешивая меня в общую кучу с «контрреволюционерами» попами», как это делают провинциальные власти, которые не могут меня понять, и Вы убедитесь, что меня не нужно держать взаперти, как вражеский элемент, а нужно поставить на положительную работу, которой я с избытком заглажу мою вину, если она во мне усмотрена.

Прот[оиерей] А. Боярский.⁴⁴

⁴⁴ Там же. Л. 89—90.

Как видим, Боярский стремился доказать власти то, что он — человек идейный, с солидным стажем «социалистических убеждений». Повод доказать был более, чем серьезный — голод в Поволжье. Как известно, спустя короткое время большевики сумели обратить национальную трагедию в свою пользу, оказав содействие «левым» священникам, поддержав обновленческую смуту и развязав против патриаршей Церкви террор. При этом вопрос об изъятии церковных ценностей был использован в качестве главного аргумента антиклерикальной пропаганды⁴⁵. Однако все это случилось уже после того, как Боярский был выпущен на свободу, в 1922 году. Полагаю, что важно отметить следующее: он вышел из тюрьмы по причине болезни, а не в связи с «вдруг» возросшим интересом к нему как к «христианскому демократу» властей (в то время «интересы» эти только формировались). Священника «спасла» болезнь: 31 сентября 1921 г. его супруга — Екатерина Николаевна Боярская обратилась в президиум губернской ЧК с просьбой принять во внимание факт болезни ее мужа — туберкулез легких⁴⁶. На болезнь внимание обратили и через месяц — 31 октября 1921 г. комиссар Петроградского ЧК получил талон, в котором требовалось немедленно освободить Боярского⁴⁷.

Дальнейшая его судьба известна более обстоятельно. Как уже говорилось, в 1922 г. он стал одним из первых и наиболее активных обновленцев — 6 апреля он, вместе с В. Красницким, А. Введенским, Е. Белковым и еще восьмью священниками, выступил в «Правде» с письмом, в котором православные клирики и архиереи обвинялись в равнодушии к голодающим и в контрреволюционных замыслах⁴⁸. Стилистика письма и выдвинутые против «реакционных» священнослужителей обвинения свидетельствовали о том, кто стоял за спиной «левых» клириков-подписантов, вдохновлял и направлял их перо.

Правда, в отличие от своих «передовых» собратьев Боярский не был человеком совершенно беспринципным, — на суде по «делу» Петроградского митрополита Вениамина (Казанского) он повел себя

⁴⁵ Достаточно вспомнить печально знаменитое «строго секретное» письмо Ленина В.М. Молотову для членов Политбюро от 19 марта 1922 г. (См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 190—193).

⁴⁶ Следственное дело... Л. 106. Справка врача от 25 сентября 1921 г. прилагалась (Там же. Л. 107). Стоит сказать, что в тот период супруга Боярского носила его фамилию, но в дальнейшем ее изменила (о чем будет сказано ниже).

⁴⁷ Там же. Л. 110. Впрочем, можно предположить, что история развивалась по несколько иному сценарию, а именно: власти, не желая разрушать выдвинутого следствием обвинения и поняв потенциальную «полезность» Боярского использовали для его освобождения формальный повод — болезнь (известно, что вплоть до трагической кончины туберкулез не особо беспокоил Боярского).

⁴⁸ См.: *Цыпин Вл., прот.* История Русской Церкви. 1917—1997 // История Русской Церкви. Т. IX. М., 1997. С. 76.

исключительно достойно, давал показания в пользу обвиняемых⁴⁹. По большому счету, это было *нормально*: ведь в Петроградской комиссии помощи голодающим, работавшей весной 1922 г., Боярский (как и Введенский) являлись официальными представителями митрополита Вениамина, выполнявшими его решения и знавшими его подлинное отношение к вопросу о церковных ценностях⁵⁰. 6 июля 1922 г. Боярский, тогда член Петроградского епархиального управления и (одновременно) — обновленческой «Живой Церкви», вместе с другими «левыми» клириками, подписал ходатайство о помиловании приговоренных по «делу» митрополита Вениамина к расстрелу. В июле Боярский, «по уполномочию группы “Живая Церковь”», подписал характеристики всем десяти приговоренным к расстрелу, перечислив смягчающие их «вину» обстоятельства⁵¹.

Заступничество обновленцев не спасло жизни митрополиту Вениамину, не прибавив им популярности в православной среде. Однако на популярности Боярского «дело» Вениамина никак не сказалось: в Колпино и в Петрограде верующие ему доверяли. В то время Боярский покинул «Живую Церковь», вместе с Введенским ненадолго оказавшись в «Союзе церковного обновления» епископа Антонина (Грановского) и в октябре 1922 г. объявив о независимости Петроградского комитета «Союза». В северной столице обновленцы создали новый союз — «Союз общин Древле-апостольской церкви». Во главе его, вместе со своим другом Введенским, был Боярский. Являясь заметной фигурой в обновленчестве, Боярский не стремился проявлять насилие над теми, кого называли тогда староцерковниками. Более того, в своем колпинском храме, ставшим обновленческим в июне 1922 г., он позволил «староцерковникам» совершать богослужение в отдельном приделе храма, но те молиться в одном месте с обновленцами не стали⁵².

В 1920-х гг. влияние Боярского среди петроградского духовенства было весьма велико, его идеи о выявлении христианства как религии действительного равенства и братства находили отклик. А. Э. Левитин-Краснов полагал даже, что Боярским предвосхищалась даже идея экуменического движения. «Конфессиональные различия, по мысли Боярского, должны быть стерты в общем потоке человеческих сердец, жаждущих обновления христианства. Это движение будет широко народным социальным движением — и в своих отдельных ас-

⁴⁹ См.: Там же. С. 83, 87; см. также: Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922—1925 гг. Кн. 2. Новосибирск; М., 1998. С. 295, 304.

⁵⁰ Архивы Кремля... С. 146—148.

⁵¹ Там же. Кн. 1. Новосибирск; М., 1997. С. 234, 510.

⁵² Мещанинов М. Ю. Указ. соч. С. 152—154.

пектах (борьбе против всякой эксплуатации) оно совпадает с коммунизмом; однако никогда и нигде оно не будет строить своих отношений с коммунизмом по принципу: «Чего изволите?»⁵³.

Левитин-Краснов в своем анализе личности Боярского акцентирует внимание на его принципиальности, считая это главной причиной его трагической гибели: среди деятелей раскола он один вошел в историю в ореоле мученика⁵⁴. Полагаю, что столь яркое заявление нуждается в определенных коррективах: описанная выше тюремная эпопея Боярского в 1921 г. заставляет нас в каждом конкретном случае делать пояснения относительно «принципиальности» и «несгибаемости» (конечно, не в разоблачительных целях, а в надежде понять феномен «принципиальности» в контексте времени). Одно очевидно: он был востребован обновленчеством и на фоне далеко не кристальных «левых» батюшек смотрелся достойно и солидно. Не случайно, с 1924 г. по 1930 г. он, не покинув колпинский собор, занимал должность настоятеля ленинградской церкви Спаса-на-Сенной, в 1925 г. несколько месяцев состоял в причте Казанского собора, а с января по август 1926 г. возглавлял клир Исаакиевского собора. В этот период он был арестован второй раз (4 апреля 1925 г.), — протопресвитера (сан он получил у обновленцев) вновь обвинили в «антисоветской деятельности», но в конце мая 1925 г. все-таки освободили⁵⁵. К сожалению, в архиве ФСБ найти дела за 1925 г. не удалось, поэтому судить о реальных причинах ареста Боярского трудно. Можно лишь предположить, что он позволил себе какое-либо неосторожное высказывание.

В 1923 и в 1925 гг. он принимал участие в обновленческих «сборах», с 8 мая 1923 г. являясь членом Высшего церковного совета, а с 8 августа 1923 г. — членом Священного Синода. Искренне веривший в возможность «христианского социализма» или, лучше сказать, социализма с «христианским лицом», Боярский стремился, как и прежде, к социально-религиозной деятельности. Однако такая деятельность с начала 1930-х гг. оказалась практически невозможной: в условиях окончательного свертывания НЭПа большевики начали массированную атаку на религию, — времена «разделения» для «властвования» канули в Лету (в конце концов обновленцы для безбожных властей были только временными помощниками в деле развала Российской Православной Церкви). Прекратилась и педагогическая деятельность Боярского, в 1920-е годы читавшего практическое богословие в Ленинградском богословском институте. И, тем не менее, именно тогда он становится архиереем — протопресвитера в женатом состоянии

⁵³ Левитин-Краснов А., Шавров В. Указ. соч. С. 147.

⁵⁴ Там же. С. 148.

⁵⁵ Мещанинов М. Ю. Указ. соч. С. 154, 156–157.

«хиротонисуют» во епископа Ивановского и Кинешемского (1933 г.), в конце года возводят в сан архиепископа, и в 1935 г. — в сан митрополита⁵⁶.

То, что он получил кафедру в Иваново удивления не вызывает — еще в ноябре 1931 г. его откомандировали в город Кинешму, расположенный в Ивановской области. Но почему он туда попал? Точного ответа не существует, но имеется версия, переданная историком обновленчества А.Э. Левитиным-Красновым. Мне она представляется здоровой. Очевидно, что Боярский, человек ярких дарований, не мог нравиться безбожным властям. Кроме того, врагом Боярского был старый агент ОГПУ-НКВД Н.Ф. Платонов, в дальнейшем (с 1934 г.) ставший обновленческим «митрополитом» Ленинградским. Результат не заставил себя долго ждать: протопресвитера удалили из Ленинграда, позолотив пилюлю хиротонией⁵⁷. Впрочем, возможно предположить, что дело было не только в недовольстве властей или происках Платонова, но и в стремлении обновленческого Синода (и прежде всего А.И. Введенского) уберечь «рабочего батюшку» от возможных репрессий, послав на периферию. Социально-религиозная активность могла вновь закончиться тюрьмой.

...И все-таки спасти Боярского от тюрьмы не удалось: 17 марта 1936 г. в Иваново он был арестован и спустя три месяца (15 июня) — осужден. Как и раньше, его обвинили в антисоветской деятельности, объединении вокруг себя «реакционно и фашистски» (!) настроенной части обновленческого духовенства, высланного из Ленинграда и области. Боярский обвинялся в активной деятельности, направленной на укрепление Церкви, в том, что был сторонником фашизма, «вел активную антисоветскую и террористическую агитацию, распространял контрреволюционные слухи». Как видим, набор обвинений — вполне традиционен. «Обычен» и результат — статья 58¹⁰, пять лет лишения свободы. Этот «детский» срок достаточно быстро скорректировали, вновь осудив Боярского (9 сентября 1937 г.) и приговорив его к расстрелу. Приговор привели в исполнение в тот же день, не послав официальной справки родственникам и оставив на карточке Боярского ложную запись — «Объявлено 10 лет режимных лагерей. 19 мая 1940 г.». Реабилитация, как теперь известно, состоялась только в 1988 году! Супруга Александра Ивановича скончалась, так и не получив никаких известий о нем⁵⁸. Пока уголовное дело Боярского 1936 —

⁵⁶ Там же. С. 163.

⁵⁷ *Краснов-Левитин А.* Указ. соч. С. 133. По мнению автора, Боярского удалили из Ленинграда в конце 1928 года. Скорее всего это ошибка, — Краснов-Левитин в своих воспоминаниях часто сообщает неверные даты, надеясь в основном на память.

⁵⁸ См.: *Мещанинов М. Ю.* Указ. соч. С. 163–164. 166. А. Э. Левитин-Краснов,

1937 г. не было изучено, действительно, трудно было судить о том, что с ним случилось после ареста. Ходили всевозможные слухи, будто его видели в Ивановской тюрьме, сошедшим с ума⁵⁹. Осенью 1937 г. супруга пыталась добиться свидания, ничего не зная о его судьбе, но НКВД не стал оповещать женщину⁶⁰. Во время Великой Отечественной войны Екатерина Николаевна все еще считала мужа живым и надеялась увидеть его⁶¹.

После войны супруга Боярского связала свою жизнь с духовным образованием: с 1946 г. по 1956 г. она преподавала французский и английский языки в Ленинградских духовных академии и семинарии. Лично знавший ее митрополит Ленинградский Григорий (Чуков) принял в судьбе этой женщины человеческое участие и помог без проблем оформиться на работу (кстати сказать, в служебных анкетах Екатерина Николаевна писала о себе как о вдове, подписываясь то как «Боярская», то как «Бояновская»)⁶². Память о муже она пронесла через всю жизнь, поэтому мне кажется глубоко ошибочным рассказ о том, как Е.Н. Бояновская отказалась оставаться с ним после его ухода в обновленчество. «Я православная, — якобы сказала она, — я знаю канонические правила»⁶³. Вот так «форма» влияет на «содержание», подменяя человеческие отношения апокрифической схемой.

Превращение сложного человека в пример — неизбежная участь любого исторического деятеля. Обновленческое «клише» не позволяет нам увидеть в священнике Александре Боярском собственно человека, преимущественно искавшего правды Божией на земле, ошибавшегося, но всегда стремившегося помочь ближнему. Типичный социальный правдолюб начала XX столетия, он, как и многие его современники, «переболел» социализмом и эта «болезнь» дала осложнение на всю оставшуюся жизнь. Обновленчество было для него возможно-

ошибаясь, пишет, что жене Боярского было объявлено о его, Боярского, посмертной реабилитации уже в 1956 году (*Левитин-Краснов А., Шавров В.* Указ. соч. С. 148; примечание 1).

⁵⁹ *Краснов-Левитин А.* Указ. соч. С. 133.

⁶⁰ *Мещанинов М. Ю.* Указ. соч. С. 166. В то время супруга А. И. Боярского подписывалась фамилией «Бояновская», а не «Боярская», как в 1920-е годы. С чем связана была перемена фамилии, можно только гадать, так как брак не расторгался.

⁶¹ Пока она была жива, верила, что муж жив. Перед смертью, как пишет А. Э. Левитин-Краснов, ошибочно относя ее смерть вместо 1956 г. к 1962 г.), ей было видение мужа. «Больше Боярского не видел никто и никогда» (*Краснов-Левитин А.* Указ. соч. С. 133).

⁶² См.: Личное дело № 1325 (Е.Н. Бояновская) // Архив Санкт-Петербургских духовных академии и семинарии. См. также некролог: Журнал Московской Патриархии. 1956. № 6. С. 11–12.

⁶³ Беседа с митрополитом Владимиром // Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Владимир. Жизнь и труды (К 70-летию со дня рождения). СПб., 1999. С. 24.

стью (по крайней мере, теоретической, на первых порах) христиански обновить мир, которому была сделана коммунистическая прививка.

История горько посмеялась над ним: обновленчество не стало «реформационным», очистительным течением в русском православии (скорее даже наоборот), а коммунистическая прививка оказалась не столько полезна, сколько вредна русскому социальному организму, пережившему коммунизм ценой страшных народных жертв и лишений. Как усмешка Клио может восприниматься реабилитация А.И. Боярского по делу 1921 г.: это оказалось возможным только благодаря падению коммунизма в СССР, на основании закона России «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 сентября 1991 года.⁶⁴ Служба идеям «нового мира» оказалась слишком долгой и несправедливой, а цена — непомерной. Репутация честного человека оказалась покрыта клеймом обновленца, следовательно — «религиозного прислужника» безбожных властей и церковного раскольника.

Правда жизни закрыла правду человека. И это есть тот урок, который следует помнить, не стараясь *post factum* разоблачать, осуждать или «парить над схваткой» давно минувших дней, демонстрируя «историческую объективность».

«THE FATHER OF THE WORKERS», STROKES
TO THE PORTRAIT OF ALEXANDER BOYARSKY,
«METROPOLITAN» OF THE RENOVATED CHURCH

S. L. FIRSOV

The article is devoted to «metropolitan» Alexander Boyarsky, who was one of the spiritual leaders of the Russian Church renovation in 1920–1930. This brilliant clergyman had a big influence on his flock of workers, whom he had spiritually led since the pre-revolutionary times. In 1922 A. Boyarsky became an advocate of the Church schism, being involved in the events, incited by the GPU (State Political Agency). Undoubtedly, it was due to his socialist views and his belief in compatibility of religion and socialism. The price for this belief was a tragic end of his life in the prison of the socialist state belonging to «workers and peasants».

⁶⁴ Следственное дело... Л. [112].